

ПРОФСОЮЗЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ. ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ СОЗДАНИЯ АЛЬЯНСОВ И СОТРУДНИЧЕСТВА

1. Страсти и интересы

По сути, в недавно опубликованных работах по нынешнему состоянию политики в западных демократиях и о формах коллективных действий можно выделить три недостатка. Общий посыл, как результат исследований в сфере политической экономии и форм демократии в Европе, просто ужасает. Кажется, что мы находимся в ситуации, которая характеризуется упадком, дроблением и разукрупнением, индивидуализацией, уменьшением веры в институты, которые стали полыми или выхолощенными внутри, захватом власти и чрезмерным накоплением богатств небольшими политическими и экономическими элитами, а также увеличивающейся маргинализацией и обеднением больших групп населения. Все это смешивается воедино, и мы оказываемся в самом центре проблем. В то время как не ставится под вопрос точность этих тенденций, следует отметить и первый недостаток соответствующих работ – в них в разной степени игнорируется один ключевой аспект, а именно способность тех, кто больше всего страдает от вышеупомянутых тенденций, объединиться и искать возможности, чтобы совместно остановить, обратить вспять происходящее или каким-то иным образом повлиять на защиту своих потребностей и интересов.

Второй недостаток относится к работам, посвященным конкретно этим акторам, а именно исследованиям существующих профсоюзов и исследованиям общественных движений. И в тех, и в других признается размах нынешнего кризиса. Появились многочисленные книги и статьи, посвященные реакции тех, кто является целями этих исследований, но продолжает наблюдаться безразличие друг к другу. Едва ли можно отметить взаимное обогащение и плодотворное сотрудничество, никто не хочет выходить за рамки установившихся традиций исследования. При этом кажется, что эмпирическая

реальность предполагает, что обе формы совместных действий обоими типами акторов могли бы стать более продвинутыми, чем пока готово признать их теоретическое отражение. Похоже, что исследователи каждой из двух форм коллективных действий взаимно игнорируют друг друга. В лучшем случае исследователи профсоюзов и исследователи общественных движений рассматривают друг друга просто как средства, которые могут быть им полезны. Профсоюзы могут выиграть от совместной деятельности в плане увеличения своей привлекательности для бóльших групп населения, в то время как общественные движения могут получить дополнительные ресурсы и доступ к государственным органам.

Третий недостаток непосредственно связан с предыдущим. Он относится к подобному типу разделения или, если выразиться более точно, к дихотомическим или раздвоенным рассуждениям в целом. Мы позаимствовали идеи о страстях и интересах из новаторской работы Альберта Хиршмана (1977) о процессах перехода от одного исторического периода к другому. Слово «страсти» используется в настоящей работе для сокращенного обозначения нематериальных интересов, в то время как «интересы» относятся к материальным интересам. В типичной работе об общественных движениях и профсоюзах утверждается, что это были важнейшие различия, лежащие в основе коллективных действий обоих типов групп, и с этими различиями трудно справиться. Эта дихотомия лежит в основе всех дебатов с самого их начала. Однако все может быть не так просто. Хиршман четко показывает, что страсти изначально ассоциировались с положительными качествами (в феодальные времена), а со временем могут превратиться в отрицательные, а потом могут снова приобрести дополнительное положительное значение – но на этот раз в форме просвещенного, то есть ведомого каким-то интересом поведения (капитализм). Например, жадность и алчность, как и стремление к славе и чести трансформировались в более прозаичные интересы, и теперь от них получают пользу не только отдельные парвеню и феодалы, но и все

общество в целом. За долгую историю удалось понять, что интересы являются укротителями страстей, а последние теперь дискредитируются как негативные и нежелательные для общества отклонения, и этот переход во многом произошел благодаря социально-политическим и экономическим переменам и тому, как эти перемены воспринимаются людьми.

Но Хиршман в своей работе не предполагал возможности обратного перехода. Вполне можно утверждать, что неолиберализм сделал все возможное, чтобы получение прибыли дошло до такой крайности, что мы в настоящее время наблюдаем процесс, в результате которого ведомая интересом деятельность двигается в обратном направлении и превращается в поведение, основанное на страстях (неправильное поведение). Рекламная кампания одного крупного оптовика, занимающегося продажей электронного оборудования, – «Geiz ist geil» (скупердяйство/прижимистость/алчность/жадность – это модно/сексуально) – сама по себе все объясняет в этом плане. Она представляет лейтмотив, ощущение, философию жизни в мире современного капитализма. Если принять понимание страстей и интересов так, как они используются в этой работе, следует добавить, что, конечно, есть страсти, которые не содержат вызывающих презрение характеристик, а наоборот содержат положительные и полезные для общества. У многих людей, которые активно участвуют в общественных движениях, работе профсоюзов и не только, можно встретить сочувствие, симпатию, солидарность, альтруизм и другие качества, которые говорят о высокой нравственности. Именно эти качества в недалеком будущем могут заменить гиперрациональность, которая к настоящему времени снова стала считаться позорной страстью.

Поэтому страсти и интересы нельзя четко отделить друг от друга. Они все время сливаются и смешиваются, и что именно возьмет верх в сознании людей в какой-то исторический период, во многом зависит от меняющейся вовлеченности и изменяющихся восприятий. В таком случае спорным оказывается вопрос, можно ли упомянутым выше разделением и дихотомии

(политическая экономия и политическая теория против исследования коллективных действий; производственные отношения против знания общественных движений; и страсти против интересов) придать единую форму и привести в соответствие или совместить, глядя на некоторые из самых последних примеров коллективных действий членов двух изучаемых лагерей. Ученые, занимающиеся профсоюзами, давно признали необходимость заключения альянсов с группами и организациями гражданского общества. Не считая период около 1968 года, когда широкомасштабные выступления рабочих и студентов вызвали обеспокоенность должностных лиц в «формальных демократиях», как они тогда назывались, в более поздний период именно Клаус Оффе и др. (1985а, 1985b) стали одними из первых, кто поднял этот вопрос. В скором времени нашлись последователи его аргументов и внутри профсоюзов, и среди большого количества ученых, занимающихся изучением профсоюзов. Стало обычным делом, даже в официальных документах, указывать на снижающуюся важность и востребованность профсоюзов и в политике, и в экономике, а в результате и важности стремления к совместным действиям с другими общественными группами.

Однако споры по большей части шли о нормативной базе, и редко удавалось представить конкретные показатели того, что будет означать заключение подобных альянсов в плане изменения структуры профсоюзов и политических стратегий. Недавно шли дебаты о том, что называть общественным движением и юнионизмом общества (Уотерман, 1993, 1998, 1999), и в основном они были вызваны событиями в ЮАР и Латинской Америке. Ученые, занимающиеся производственными отношениями, глубоко изучали работы об общественных движениях с целью идентификации моделей действия, которые могли бы способствовать возрождению профсоюзов. Тем не менее даже эти прогрессивные работы по сути оставались нормативными и, большую часть времени, инструментальными по своему характеру. Например, если говорить о пользе, которую могут получить профсоюзы от усиленного сотрудничества с

внешними партнерами, то среди наиболее часто упоминаемых ресурсов можно назвать: физические и финансовые; связь; активацию новых клиентов; экспертные знания, например, экспертная оценка окружающей среды; легитимность, приобретенную благодаря сотрудничеству с внешними партнерами, которые имеют положительный имидж в обществе; мобилизацию, как, например, альянсы для поддержки обычных профсоюзных кампаний. Самые последние работы по стратегическому юнионизму не очень отличаются в этом плане. В центре внимания большинства упомянутых выше работ стоит вопрос о том, как усилить стратегические и организационные возможности профсоюзов в то время, когда они теряют свою посредническую функцию в обществе и, принимая довольно эксклюзивные формы солидарности, рискуют опуститься до некоего вида «фрактальной организации». В целом в соответствующей литературе об организованном рабочем классе выражается обеспокоенность тем, как улучшить положение профсоюзов, но авторов не волнуют такие важные и масштабные цели, как усиление способности к совместным коллективным действиям только появляющегося политического субъекта, который выходит гораздо дальше установленных организационных границ.

Если говорить об ученых, занимающихся общественными движениями, то профсоюзы фактически никогда не включались в их программу действий. На протяжении какого-то времени их полностью исключали и не рассматривали как возможных партнеров и союзников. Турень (1981, 1986) считал их анахронизмом из-за их встроенности и соответственно лишения свободы в существующих государственных институтах. По мнению Мелуччи (1996, 1998) они не способны адаптироваться к потребностям постиндустриального общества и к сети структур, его характеризующих. Горц (1985, 1999) описывал их, как больше не являющихся средоточием социальных перемен, и даже для Гидденса (1990) и Бека (1992) их место в современном мире является спорным. Поскольку большинство профсоюзов сосредотачивает внимание на защите

интересов своей основной клиентуры – по сути «синих воротничков» – производственных рабочих в преимущественно приходящих в упадок отраслях промышленности – они не могут больше претендовать на представление людей по важнейшим вопросам, вызывающим озабоченность в обществе, не говоря о том, чтобы представлять интересы рабочего класса в целом. Они превратились просто в группы воздействия, или инициативные группы, или группы активистов, способные формировать и определять содержание общественного порядка. Другие ученые утверждают, что профсоюзы в настоящее время рассматриваются, как воплощение антидвижения, которое мешает свободному и непринужденному обсуждению проблем. Другие ведущие ученые, занимающиеся этой сферой, тоже рассматривают профсоюзы, как бюрократические и иерархические организации, которые представляют довольно узкие интересы, согласовывают принимаемые решения с другими сторонами, участвующими в процессе, и ищут компромиссы. А общественные движения совершенно четко уклоняются от всего этого. Если говорить о нынешнем кризисе, который затронул все общества, одним из самых неприятных фактов, который приводит в замешательство, является то, что политическая экономия, рабочий класс и вопросы, связанные с местом работы, полностью исключены из большей части литературы, посвященной общественным движениям. Даже в период, когда мировой капитализм стал еще более могущественным, ученые, занимающиеся общественными движениями, не замечали эти вопросы. Другими словами, изучение общественных движений имеет склонность пренебрегать возможностью поиска альянсов с профсоюзами точно так же, как и профсоюзы в свою очередь пренебрегают этой возможностью. На сегодняшний день имеется лишь несколько исключений из подобного взаимного неуважения и невнимания. В первую очередь это вызвано реакциями на задолженность и финансовый кризис, последовавшие за 2008 годом, и только совсем недавно положение дел наконец стало меняться. К настоящему времени можно отметить много новых и важных дополнений к

обсуждению недостатков, упомянутых в самом начале этой работы. Поскольку в большей части работ внимание четко и недвусмысленно уделяется неразрывной связи нестабильности и кризиса, в них представляются важные наблюдения для лучшего понимания совместной деятельности двух групп в особых условиях неолиберализма и постдемократических разрушений. Тем временем некоторые исследователи поняли, что капитализм и политическую экономию нужно снова анализировать и включать в проводимые аналитические исследования. Это так, потому что большинство тех, кто стоит за последними выступлениями против режима жесткой экономии, направляют свое недовольство не просто против форм меркантилизации (традиционные трудовые споры и производственные конфликты), но также и ремеркантилизации (приватизации) и эксмеркантилизации (исключение из рынков труда). Далее я представляю мнения этих авторов, но попробую обратить особое внимание на необходимость аналитического подхода к обоим типам акторов, причем подхода более сбалансированного. Необходимо в равной степени заниматься анализом как профсоюзов, так и общественных движений. При этом также следует заняться вопросом, могут ли альянсы профсоюзов и общественных движений и другие формы сотрудничества создать основу того, что может стать видом настоящего контрдвижения, направленного против дальнейшего наступления неолиберализма и таким образом общественного и политического упадка. Если взять на себя задачу обрисовать возможные контуры такой более широко охватывающей формы действий, а также изучения мотивов, побуждающих людей в них участвовать, вероятно, будет недостаточно ссылок на Манкура Олсона (1965/1971) и традиционные теории коллективных действий. Олсон все еще может помочь, в немалой степени, когда дело касается анализа мобилизации профсоюзов. Тем не менее у него слишком узкая концепция, когда он обращается к вопросам одновременных и часто скоординированных форм мобилизации не просто одной особой группы, а различных типов акторов, действующих коллективно.

Анализируется форма совместного коллективного действия, при этом «совместный» относится и к общим действиям отдельных людей в различных группах и организациях, и в то же время общим действиям самих этих групп. Поэтому нас интересует вопрос, решают ли, а если решают, то почему и когда отдельные люди, уже сформировавшие организованную группу, присоединиться к более широко охватывающим проектам и деятельности, которые выходят за границы различных коллективных акторов. Во вторую очередь нас интересует, берут ли при этом профессиональные лидеры этих акторов на себя руководящую роль, а если берут, то когда. Для этого типа совместных действий, понятие альянса или, как предлагает Диани (2018), организационного «режима координации» (РК), может быть самым подходящим. Такие формы построения альянса различного охвата, масштаба и продолжительности также были отмечены Таттерсаллом (2018) в рамках так называемых «коалиций для решения вопроса», «солидарности по месту нахождения» и «форм организации на основе имеющихся связей», все это хорошо согласуется с находками Диани. Однако совсем другое дело, если смотреть на уровень рядовых членов. Совместные действия людей, стирающие границы, лучше всего можно понять по сетям, по общественному движению и субкультурным видам координирования. Наконец, альянсы и сети могут заметно расходиться относительно лежащих в основе целей, логических обоснований и подоплек, а также структурных конфигураций. Иногда альянсы могут хорошо работать, даже в отсутствие поддержки снизу. В других случаях может быть явное сотрудничество членов различных организаций, при котором нет необходимости в формировании альянса на уровне руководителей. Похоже, что изучение форм совместных коллективных действий – это совсем непростое дело, если выйти за рамки простого описания отдельных случаев и событий. Невозможно заявлять о том, что удалось найти единую панацею, которая приведет к полноценной теории. Вместо того чтобы рассуждать об уже установившихся сфере или поле деятельности профсоюзов и общественных

движений, я предлагаю перечитать пару современных классиков, что даст возможность по-новому осмыслить обсуждаемую тему. И такое осмысление будет полезным. Если говорить о недавних исследованиях в области общественных движений, то звучали предложения о полезности соединения парадигм мобилизации ресурсов, политических возможностей и анализа рамок для интеграции структурных и субъективных направлений протеста. Это может быть с пользой взято на вооружение и применено не только для протестных движений, но на самом деле и ко всему набору совместных коллективных действий, как описано выше. После обсуждения важных и имеющих отношение к данному вопросу структурных (расколы и слои общества в рамках контрдвижения) и мотивационных (формы критики и формирование интересов в рамках организаций) аспектов, будет описано, могут ли, а если могут, то где и когда участники общественных движений и члены профсоюзов, несмотря на различные концепции, на основании которых шло их изучение в прошлом, объединиться (практически и теоретически) в коллективный проект, который может быть обоснованно назван собственно контрдвижением.

2. Поперечные расколы и пересекающиеся слои общества

В то время как интеллектуалы и студенты, совместно сражаясь с рабочими и служащими, были вынуждены совершить некий вид классового предательства, как это стало называться в 1968 году, в наши дни, похоже, ситуация изменилась. Независимо от того, формируется ли сейчас новый класс (Стэндинг 2011) или нет, само количество людей разного социального происхождения, попадающих в категорию лиц с неустойчивыми формами занятости, выросло в таких размерах, что разделение на классы становится все менее значимым. Социальный статус участников недавних протестов против режима строгой экономии, по крайней мере, в Южной Европе, поражает разнообразием. В этих протестах участвовали высококвалифицированные выпускники университетов, другие представители среднего класса, имеющие постоянную работу рабочие и служащие, а также безработные и слои населения с неустойчивыми формами

занятости. Размах видов самосознания и отличительных черт, проблем и вопросов, вызывающих озабоченность, огромен, и точной природе всего этого еще предстоит дать точные объяснения. Учитывая, что даже в Германии, где по официальным данным в экономике наблюдается почти полная занятость, неустойчивые формы занятости охватывают свыше 40 процентов рабочей силы, можно представить, как могут обстоять дела в гораздо менее благополучных странах. Исчезновение традиционных расколов и когда-то четких классовых барьеров ставит вопрос о том, есть ли обмен мировоззрениями и самосознанием в пористых классовых структурах и между поколениями, и не может ли этот обмен привести к чему-то типа общего сознания активистов. Главной работой на эту тему является книга Стейна Роккана (1970) о слоистых структурах и пронизывающих всю структуру расколах. Концепцию Роккана необходимо кратко представить, потому что она очень важна для анализа социального феномена, который становится все более очевидным. Расколы касаются структуры (экономической и пространственной), норм и ценностей (идеология и отношения), а также действий и мобилизации (поведения), но также могут включать и этническое, политическое, религиозное, гендерное и культурное деление общества. Большую часть времени они представляются в форме своеобразных соединений этих делений с тенденцией к взаимному наложению и усилению друг друга. В случаях, когда группы, изначально придерживавшиеся постматериалистических ценностей, начинают общаться и перемешиваться с членами групп, предпочитающих традиционные материалистические ценности, мы имеем дело с поперечным расколом. Когда члены обеих групп остаются в рамках своих изначальных пределов или среды, мы говорим об усилении расколов. Если говорить о двух изучаемых группах, то вполне обоснованно можно утверждать, что последняя тенденция была доминирующей в *Trente Glorieuses* (славное тридцатилетие – фр.), относительно стабильный период роста до примерно начала 1980-х годов. Примерно с этого времени и определенно после начала нового тысячелетия

социальные, политические и культурные расколы становятся все шире, при этом как у членов профсоюзов, так и у участников движений формируются самосознание и мировоззрение, в которых присутствует одно и то же беспокойство, неуверенность и озлобленность из-за угроз, которые они одинаково чувствуют, – опускание на более низкий статус в обществе, исключение из политической жизни и, если говорить об экономике, снижение уровня жизни. Остается открытым вопрос, достиг ли уже этот процесс своей высшей точки. Однако он едва ли когда-то был настолько ярко выраженным, как сегодня, и именно эти условия привели к появлению системной оппозиции – будь то сознательно направленной против катаклизмов неолиберализма, или просто представляющей форму протеста поставленных в тупик и дезориентированных людей. Если отбросить в сторону поперечные расколы, то работа Георга Зиммеля о концентрических и пересекающихся слоях общества (Simmel 1955: 125-195) – это еще один кандидат в возможные помощники, чтобы пролить свет на смешение социальных положений, стилей жизни, поведения и ценностей. Марио Диани (2000) первым привлек внимание к аналитической ценности, добавленной к соединению наблюдений Роккана и Зиммеля. Его новый вклад (Диани 2018) может рассматриваться, как методологическое и концептуальное продолжение и развитие его более ранних аргументов. В то время как «(...) концепция Роккана (...) относит структурные напряжения к сетям, идея Зиммеля (...) позволяет нам ухватить процесс индивидуализации, но также и посмотреть на то, как членство может перекомбинироваться в различных структурных моделях» (там же: 391). Поскольку не только восприятия и нормативные рамки меняются во взаимно налагающихся кругах, а также и сама природа эмпирически наблюдаемых общественных отношений, такая комбинация может помочь полностью преодолеть дихотомию структура-действие.

3. Движения и контрдвижения

В этой работе уже была ссылка на понятие контрдвижение. По крайней мере, на первый взгляд, термин интригует. Кажется, что он идеально подходит для изучения типа совместных коллективных действий, которым посвящена эта работа. На раннем этапе исследования общественных движений это понятие ошибочно относили к группам, связанным с неонацизмом, и другим ультраправым, таким образом представляя попытку сознательного, коллективного, организованного сопротивления изменениям в обществе. По сути термин был введен Карлом Поланием уже в 1944 году (Поланий 1957 [1944]). В своей книге «Великая трансформация» Поланий описывает переход от одного исторического периода к другому, изначально сосредотачивая внимание на XIX веке. В его понимании развитие капитализма было вызвано двойным движением, определяющим относительную степень включенности и исключенности рынков из социальной и институциональной организации в различное время. Поланий обращается к более поздним событиям 1930-х годов и утверждает, что крах международной экономической системы был прямым следствием попытки организовать экономику на основе концепции свободной конкуренции и свободного предпринимательства, взятой из британской и австрийской школ либерализма. Как и в предыдущем столетии, движение за свободу предпринимательства нацелено на освобождение рынка от вмешательства правительства в экономику, регулирования и других социальных ограничений, и в дальнейшем подверглось атаке контрдвижения, которое боролось за сохранение социальных и политических прав и привилегий, полученных ранее. Двойное движение означало столкновение двух противоположных и несовместимых принципов. С одной стороны, был рыночный принцип, с другой стороны – желание общества навязать свои ценности процессу производства и распределения. Концепция двойного движения менее классово обусловлена, чем традиционные марксистские оценки. Она дает более удобное понимание того, кто являются важными акторами в антикапиталистической борьбе. Это происходит потому, что

Поланий рассматривает стандартный анализ классовой борьбы как экономический и ограниченный силой рабочих и служащих на производственной площадке. В отличие от него, контрдвижение не является уделом какой-то одной группы, а почти всех общественных группировок, за исключением буржуазии. Поэтому концепция особенно подходит для анализа протестных событий и широкомасштабной мобилизации как раз в то время, когда традиционные оплоты профсоюзов рушатся. При этом защита материальных интересов все сильнее и сильнее беспокоит большие группы населения. В то время как разделительные линии между теми, кто выступает за свободное предпринимательство, и протекционистским контрдвижением, довольно легко определить, с точки зрения настоящей работы именно конфигурация последней группы особенно важна. Одно дело обозначить и оценить совместимые и менее совместимые экономические ситуации, стили жизни, ценности, отношения и т.д. тех, кто является членами профсоюза или участвует в общественном движении. И совсем другое дело – отделить эту часть контрдвижения от тех, кто стал жертвой ксенофобской, расистской, националистической и открыто фашистской пропаганды. В случае, если можно доказать, что интересы и позиции и прогрессивной, и реакционной частей контрдвижения совпадают или являются примерно одинаковыми, потребуются усилия от профсоюзов, общественных движений и тех, кто их изучает, чтобы оценить шансы на слияние двух лагерей по линии настоящей критики неолиберализма и эффективной защиты демократии. Если интересы и позиции сравнимы, и если мотивы и вопросы, которые волнуют, являются общими практически для всех, что именно продолжает делать это приближение невозможным или, по крайней мере, маловероятным в обозримом будущем?

4. Формы критики

Многие из кажущихся точными дихотомий, отделяющих страсти от интересов, усиливаются от взаимно налагающихся друг на друга расколов, становятся более сфокусированными благодаря пересекающимся слоям общества и

прогрессивными благодаря реакционным частям контрдвижения, и требуют дальнейшей концептуальной разработки и уточнения. Однако имеется еще одна классическая концепция, и она на самом деле подходит для наших аналитических целей. Она представлена Люком Болтанским и Евой Чиापелло в работе под названием «Новый дух капитализма» (Болтанский и Чиапелло 2005). Авторы интересуют анализ мотивов, лежащих в основе непредвиденного, но не случайного объединения студентов и рабочих во время событий 1968 года во Франции, и они утверждают, что в основе этих событий лежали различные источники негодования. Во-первых, требование свободы, во-вторых, неприятие безликости, в-третьих, отказ от эгоизма и, наконец, реакция на страдания. Соединение двух первых причин нашло классическое выражение в богемной среде в конце девятнадцатого века и называется «художественная критика». Вторая пара причин была централизованно сформулирована традиционным рабочим движением и представляет собой форму «социальной критики». Однако это не является совершенно новой идеей. Авторы ссылаются на марксистскую теорию и подчеркивают, что у Маркса можно найти оба вида критики – художественную и социальную. Если первая сильно превалирует у молодого Маркса, то она явно отстывает – но не полностью отсутствует – в «Капитале» в сравнении с социальной критикой. Первая, конечно, – это отрыв от общества и общественных интересов, а вторая – это экспроприация. В отрыве от общества и общественных интересов осуждается угнетение и притеснение, но также и то, как капиталистическое общество не дает людям жить на самом деле по-человечески или «истинным» образом. Эксплуатация устанавливает связь между бедностью бедных и богатством богатых, поскольку богатые являются богатыми только потому, что они довели до нищеты бедных. Поэтому критика отрыва от общества и общественных интересов – это также критика отсутствия у капитализма истинности, в то время как эксплуатация соединяет проблемы бедности и неравенства, а также эгоизма богатых и отсутствие у них солидарности. Сравнивая судьбу двух форм критики в точки

зрения их успеха на протяжении времени, Болтанский и Чиापелло находят, что художественная критика по сути представлена студенческим движением и добилась большего, хотя и несколько неожиданным образом, чем ее эквивалент со стороны рабочего класса. Многие требования, выдвинутые студентами в 1968 году, как, например, типы творческого выражения, гибкость самосознания, независимость и саморазвитие, все из которых были направлены против ограничений буржуазной дисциплины, буржуазного лицемерия и потребительского конформизма, со временем были приняты логикой капиталистического производства и управления, а именно в форме гибких систем организации труда, работы со смежниками и субподрядчиками, работы в команде, многопрофильности и специалистов широкого профиля, плоского управления и других характеристик так называемого бережливого капитализма или постфордизма. Хотя социальная критика в той же степени могла быть успешной в достижении целей, связанных с правами, относящимися к рабочему месту, или нормами и предписаниями, от многих из них в дальнейшем отказались или они были утрачены во время триумфального поворота к неолиберализму, установившемуся примерно в середине 1970-х годов. Как и в случае других дихотомий, о которых говорилось выше, здесь встает вопрос в том, оправдывает ли нынешний период кризиса и упадка четкое разделение между двумя очень сильно отличающимися, противоположными формами критики. Несмотря на предыдущие утверждения относительно несовместимости их формы и содержания, Болтанский и Чиапелло (2005: 468) не впадают в полный пессимизм в этом отношении: «(...) художественной критике нужно (...) время для переформулирования вопросов освобождения и истинности, начиная с новых форм угнетения, которые она неосознанно помогла сделать возможными (...)». Продолжая действовать таким образом, «(...) можно [ее] подвести поближе к социальной критике» (там же: 469). На самом деле новые формы угнетения могут быть такими, что художественная критика, хотя и не полностью утратила *raison d'être* (смысл существования –

фр.), больше не играет той роли, которую она играла три или четыре десятилетия тому назад. Большинство видов отчаяния, индивидуализации, вытеснения, изоляции, бессилия, заброшенности и отказа уходят корнями скорее в социально-экономические, а не изначально культурные или политические формы угнетения. В любом случае так называемые основные и побочные противоречия капитализма сегодня труднее выделить, когда дело касается реальных жизненных ситуаций. Что-то подобное относится к другим процессам, упомянутым выше. Отрыв от общества и общественных интересов, вытеснение и экспроприация имеют склонность усиливать друг друга, при этом ни один из них, по отдельности не может претендовать на аналитическое доминирование. Именно это требует уделять больше внимания группе, постоянный рост которой приводит к устареванию форм дихотомических рассуждений. Следует добавить еще одно предостережение, и оно относится к чувствам и желаниям отдельных людей и к коллективному выражению таких вопросов, которые беспокоят людей. Обе формы критики на самом деле воплощают эти два направления. Что касается первого, то это стремление к подлинности, самореализации, независимости, которое лежит в основе желания действовать совместно с другими. При этом на коллективном уровне такие чувства чаще всего трансформируются в требования о защите окружающей среды, гендерного равенства, защите мира, выступления против ксенофобии. Если говорить об индивидуальном направлении социальной критики, она проявляется в беспокойстве и озлобленности из-за потери дохода или беспокойстве о потере собственной работы. На коллективном уровне это переводится в требования, основанные на классовой принадлежности, – более высокой заработной платы в определенных отраслях, обеспечения здравоохранения и безопасности, декретного отпуска и обязательных пенсий. В таком случае встает вопрос, который из этих двух уровней лучше всего способствует общему пониманию, общему мировоззрению, появлению ориентиров и стандартов, как основных предпосылок для объединения сил?

Или, другими словами, проще ли добиться совместных коллективных действий, незаменимых для возникновения контрдвижения, на межличностном уровне индивидуальных потребностей и вопросов, вызывающих озабоченность, или же на межорганизационном, где речь идет уже о больших и более социально важных проектах? Это заставляет нас задуматься о важности организации для будущих альянсов и сетей, стирающих границы.

5. Организация по интересам

Если отбросить несколько исключений, то можно сказать, что было очень мало публикаций о проблеме структуры внутренних движений и хитросплетениях коллективной организации. Большинство аргументов, представленных в предыдущих разделах, – это личностные мотивы, а также позиции и интересы активистов, или места, занимаемые отдельными лицами в различных структурах и социальных слоях. Поэтому важный момент, который требуется еще рассмотреть, в особенности если речь идет о группах, которые демонстрируют огромные расхождения в плане официальной организации и по широте, и по диапазону, относится к различиям между свободно плавающими мотивами (мечтами, желаниями, стремлениями, беспокойствами или на самом деле страстями) с одной стороны, и интересами, которые в конечном счете становятся важными на политическом рынке, с другой. Мы осторожно назовем последние «политически существенными интересами». В большинстве политических систем только коллективно выраженные опасения и тревоги имеют шанс быть услышанными, в особенности, если вопрос поднимают сильные организации. Чем более профессионально выражается проблема и чем точнее она сформулирована, тем выше вероятность привлечения внимания, а чем более реалистичными – то есть соответствующими системе – являются форма и содержание, тем выше шансы на продаваемость на политическом рынке. В то время как и общественные движения, и профсоюзы продвигают или поднимают такие вызывающие беспокойство вопросы примерно одинаковым образом, мы мало знаем о механизмах, которые трансформируют

изначально аморфные страсти в такие существенные интересы. Работы об организованных коллективных действиях и, не в меньшей степени, корпоративистских формах посредничества при продвижении интересов научили нас, что интересы – это не социальная данность. Что такое интерес или каким он должен быть для того, чтобы подходить под нужды и запросы политических рынков, по большей части определяется профессиональной бюрократией предпринимателей с определенными интересами. В случае официальных организаций, таких как профсоюзы или ассоциации бизнесменов, поиск и на самом деле определение интересов является сложным и частично проблемным процессом трансформации. Филипп Шмиттер (2006, [1981]) разработал интересную интуитивную модель, сразу же демонстрирующую основные составляющие, необходимые для запуска этого процесса. Он это делает, используя образ дымохода, который сам называет «дымоходом для вычитания стоимости». Мы не будем углубляться в описание модели, но отметим, что немного модифицированная ее версия помогает понять режим трансформации различных мотивов и в случае хорошо организованных форм коллективных действий (профсоюзы), и менее хорошо оформленных и формализованных (общественные движения), и – если говорить о том, как дела обстоят сегодня – случайных и бессистемных форм коллективных действий (контрдвижение). Доводы следующие. Представьте дымоход с отверстием наверху, через которое в него попадает фактически неограниченное количество самых разнообразных индивидуальных потребностей всех членов общества. Ширина дымохода будет все больше сокращаться, потребностям придется проходить через несколько узких проходов или мест, а в конце будет довольно узкая сливная труба. Изначальные потребности, желания, мечты, страсти и т.д., залитые сверху, будут проходить по дымоходу и существенно уменьшаться и в плане количества, и качества. «Из всех потребностей, которые потенциально могут стать интересами, некоторые отбираются, а другие выталкиваются. Это относится к каждой “точке перехода” (...), пока только несколько избранных не

выйдут из отверстия дымохода, чтобы их активно защищали или продвигали (...). По пути очень многие [из них] теряются или становятся бесполезными» (Шмиттер 2006: 302). Проходы в каждом узком месте могут быть уже или шире, так что определенным желанием, мечтам и страстям труднее, чем другим продолжать путь вниз. Кому из них удастся пройти весь путь, а кого вытолкнут из дымохода, определяется преднамеренным выбором в пользу выхода, властью, искажением или сокрытием со стороны руководства организации, или действиями и усилиями снаружи тех, кто их поддерживает, или оппонентов. В любом случае определено, что у большинства официальных объединений по интересам, а отсюда и профсоюзов, «(...) политика групповых интересов имеет склонность быть по сути действительно консервативной» (там же.) Они исключают большое количество потенциальных потребностей, которые недостаточно четко определены, практически неосуществимы, не осознаны, не имеют отличительных черт или характерных особенностей, неоправданны, в которых отсутствует изобретательность и т.д. Время политики групповых интересов, о которой Шмиттер писал в начале 1980-х годов, определено прошло. Многие из ее основных акторов подверглись процессам дробления, дезорганизации или исключения из политики и политического управления, а поэтому стали менее необходимы для сохранения общественного и политического порядка (см.: Шмиттер 2008). Тем не менее самое основное в этом процессе и результаты этого одновременного процесса вычитания стоимости и формирования интересов, то есть политически существенных интересов, если использовать наш термин, вероятно, можно применить к большинству коллективных акторов даже сегодня, причем независимо от их специфической формы организации. Если придерживаться образа дымохода, то встает вопрос о форме и содержании дымохода, когда дело доходит до описания процесса в случае общественных движений и более широко охватывающих выходов для коллективных действий. Что происходит с потребностями, желаниями и страстями, когда структурные конфигурации

менее профессиональны, когда механизмы отбора менее развиты и когда отдельные люди в меньшей степени готовы отказаться от изначальных мотивов при присоединении к объединенным формам действий? Для таких случаев Шмиттер предлагает форму трубы. При такой конфигурации, весь набор потребностей, которые только можно придумать, теоретически будет разрабатываться коллективно, свободно формулироваться и правильно удовлетворяться. Это очевидно встретится с трудностями, потому что многие из них будут или несовместимы, или их нельзя будет реализовать совместно. Для наших целей единственный способ обойти проблему несовместимости – это дать новое определение потребностей таким образом, чтобы они одновременно стали менее всеохватывающими на входе в дымоход, но достаточно специфическими в нижней его части.

6. Политика жизненно важных интересов

В таком случае одна из самых актуальных аналитических задач, стоящих перед нами, – это заняться потребностями тех, кто живет нестабильной жизнью, и формами изолирования и вытеснения самых различных видов, а также мотивами более активных частей населения, которые сознательно начали борьбу с неприятным положением вещей, нацеливаясь на удовлетворение этих потребностей и помощь в установлении более приемлемых условий. Мы признаем, что одна из возможных стратегий – это взять практически неограниченное количество общественных потребностей, уменьшить их количество, выделить определяющие характеристики этой меньшей группы, а потом искать возможные механизмы, способные трансформировать их в политические платформы и общие программы действий. Таким образом они совершат переход и станут «существенными интересами» в том смысле, который вкладывался выше, и будут легче узнаваемыми широкой общественностью, СМИ и, не в меньшей мере, политиками. Мы предлагаем назвать это уменьшенное количество потребностей «жизненно важными потребностями» или потребностями, необходимыми для выживания. Жизненно

важные потребности одновременно являются менее экстравагантными и специфическими, чем потребности, которые направляли большую часть исследований общественных движений в прошлом. Но они также являются и более широко охватывающими, чем просто продвижение определенных требований, как практикуется многими профсоюзами и защитниками интересов, связанных с местом работы. При этом жизненно важные потребности также более специфичны, чем мириады мотивов, наполняющих дымоход Шмиттера, писавшего о политике групповых интересов. Жизненно важные потребности не нуждаются в серьезной организационной обработке любой из двух групп, о которых рассказывается в этой работе. Их просто нужно выбрать и признать. Несмотря на частые, но недостаточные ссылки на кризис и обнищание, это не было сделано в соответствующей литературе, и этот факт, вероятно, объясняется недостаточным пониманием масштабов и глубины нынешнего кризиса. Если учитывать его системную природу, то следует ожидать далеко идущие и еще не полностью осознанные последствия для будущей нестабильности, понимаемой в самом широком смысле. Тот факт, что мы выбрали указанный выше заголовок для этого раздела, может на первый взгляд показаться самоуверенностью или дерзостью, и это на самом деле так. Пока нет никакой политики жизненно важных интересов. Тем не менее мы уверены, что жизненно важные потребности могут быть трансформированы в такие интересы, даже при отсутствии одного-единственного руководителя или выдающегося ума, указывающего, что они собой представляют или какими должны быть. Путь от входа в дымоход политики (жизненно важных) интересов вниз определенно короче в случае специализированных организаций. Тем не менее для того, чтобы перекинуть мост на это относительно короткое расстояние, требуются огромные усилия различных слоев соответствующих групп и организаций. Фракции контрдвижения могут быть уже хорошо знакомы с частями этой процедуры, но правильной логике стирающих границы форм коллективных действий еще только предстоит родиться. Несомненно, что

такой теории придется базироваться на анализе и концепции, и реальных условиях жизни социальной группы, важность которой постоянно растет, несмотря на то, что политики, СМИ и ученые все еще рассматривают ее как маргинальную – это прекариат в широком смысле. Если принять заявление Донателлы Делла Порта о том, что протесты против режима жесткой экономии в последние несколько лет уходят корнями в коллективное самосознание и выражают обеспокоенность большинства людей, и что именно нестабильные условия жизни в первую очередь представляют социальные и культурные условия для привлечения большинства активистов, очень подходящим будет сказать несколько слов о взаимосвязи более старых и недавно появившихся форм нестабильности, о социально-экономических и политических условиях нестабильности, а также о важности нового определения термина, как главной движущей силы недовольства и озлобленности. Лозунг «Нас 99 процентов» движения «Захватите Уолл-стрит» несомненно правильный, когда речь идет о распределении доходов. Тем не менее, на самом деле он не охватывает точное число тех, кто реально страдает от этого распределения. Количество вызывает наибольшее беспокойство на юге Европейского Союза, где особенно сильная безработица, которая достигает почти 30 процентов – это определенно повод для страданий большого числа людей. Если посмотреть на более богатый север и понимать несчастья и страдания в социальном, политическом и экономическом плане в самом широком смысле, то создается впечатление об их невероятных масштабах, если говорить о ситуации в Германии, как она описана у Дерре (2014). Страна описана как общество с неустойчивыми формами занятости, в котором большое число людей живет ниже уровня респектабельности. Если не считать безработных, общее количество людей, испытывающих на себе влияние нестабильных условий жизни в Германии, составляет около 40 процентов работающего населения, если включать сюда все виды нетипичной занятости, а именно работу неполный рабочий день, временные контракты, контракты на обучение или ученические договоры,

временную посредническую деятельность, самозанятость или неустойчивые формы занятости полный рабочий день. Эта цифра вызывает обеспокоенность и намекает на то, как могут обстоять дела в других частях Европы, где ситуация еще хуже. Прекариат возможно еще не приобрел формат класса, как предполагает Стэндинг (2011), но он очень сильно напоминает то, что когда-то давно называли резервной армией труда, промышленной резервной армией или относительным избытком населения. Маркс в первую очередь говорил об экономических факторах, он осмыслил и составил концепцию состава этой группы, выделив четыре категории, которые не очень сильно отличаются от того, что мы видим сегодня. Во-первых, «застойная часть» (маргинальные элементы, которые «крайне нерегулярно заняты»); во-вторых, «плавающий резерв» (люди, у которых раньше была хорошая работа, а теперь работы у них нет); в-третьих, «латентная часть» (люди, которые еще не полностью интегрированы в капиталистическое производство, как, например, фермеры, которые сами себя всем обеспечивают, жители трущоб и т.д.); и наконец «нищета» (бездомные, «деморализованные и в лохмотьях» или «неспособные работать»). Стоит выяснить, какие из этих категорий лучше всего соответствуют нынешним условиям нестабильности. Многие из этого совпадают с тем, что говорит Кастель (2003: 360), который считает, что современные общества раскололись на три зоны: зона интеграции (стандартная занятость и относительно стабильные социальные сети), вторая зона – это зона нестабильности (разрушение социальных сетей вместе с нестабильной занятостью и условиями жизни), и третья зона – это зона отделения (социальная изоляция вместе с постоянным исключением из рынка труда). Это предполагает, что проблема стран Северной Европы – это совсем необязательно возврат к нищете ранней индустриализации. Скорее, мы наблюдаем переход от маргинальных форм нестабильности к дискриминационным формам, которые последовательно захватывают ранее чувствовавшие себя хорошо защищенными социальные группы и не только оказывают влияние на радикальное крыло

рабочих, но также распространяются и на саму суть занятости. Сегодня нестабильность выходит за пределы экономических условий и охватывает изменения в таких пересекающихся секторах как занятость, быт, государство всеобщего благосостояния и демократия. Ощущение бесполезности и пренебрежения со стороны остальных, которые являются результатом указанных тенденций, представляют важную часть того, что мы определили как жизненно важные потребности и интересы. Защита таких жизненно важных потребностей когда-то относилась к основам деятельности профсоюзов. Со временем, при переходе от раннего капитализма ко времени появления государства всеобщего благосостояния, их обслуживание превращалось во все более устаревшее и излишнее. В дальнейшем ими занимались государственные органы и большую часть времени вполне успешно удовлетворяли многие из них. Сейчас, когда идут процессы деинституционализации, отмены регулирования и контроля (сокращение вмешательства государства в экономику), массовые увольнения, а в результате усиливается нестабильность, удовлетворение многих из этих потребностей взяли на себя благотворительные организации и другие группы взаимопомощи, у которых, однако, большую часть времени нет необходимых ресурсов, организованности и влияния, чтобы справиться с последствиями ухода государства из этой сферы. Несмотря на достижения позднего капитализма в плане темпов роста и создания богатства, сегодня жизненно важные потребности вернулись в программу действий. Они все еще ждут более точного определения и не в меньшей степени акторов, готовых ими заняться и сделать их совместно разрабатываемыми интересами, а от контрдвижения потребуются оправдать свое название, твердо выдвигая требования. Не в малой степени благодаря историческому успеху мобилизации профсоюзов, жизненно важные потребности, так сказать, сошли с дистанции, отошли на второй план или из-за того, что их больше не считали необходимыми или прибыльными, или из-за убежденности, что большинство из них уже в любом случае удовлетворены. Если вернуться к образу дымохода,

представленному выше, то они могли в равной степени просочиться через узкие места внутреннего механизма фильтрации профсоюзов, из-за выхода отдельных членов или вмешательства со стороны консервативных или изначально смотрящих внутрь руководителей профсоюзов. Кажется, что сейчас пришло время заново их открыть и сделать важной частью программы действий профсоюзов. Это кажется еще более актуальным, если посмотреть на результаты исследования, которые выявили высокую степень участия отдельных членов профсоюзов в протестах и вступлениях против режима строгой экономии. Они снова поднимают вопрос, который вставал уже в нескольких случаях, о стратегических изменениях в пользу более интенсивных совместных действий – требуются ли для них усилия со стороны рядовых членов, с самого низа. Также встает вопрос о том, привело ли знакомство с активистами протестных выступлений и движений к тому, что участники стали демонстрировать лояльность совсем другим людям, что делают эти усилия бесполезными. И также встает вопрос о профессионалах политики групповых интересов в высшем эшелоне соответствующих групп, которые обеспокоены или должны быть обеспокоены определением задач и целей, а также выстраиванием альянсов. В целом, в этой работе я постарался показать, что, во-первых, исследование совместных коллективных действий профсоюзов, общественных движений и акторов, не учтенных в этой работе, может проводиться дальше, придерживаясь типов структурных и мотивационных дихотомий, которые являются нормой в области исследования профсоюзов и общественных движений. Во-вторых, особые формы и содержание потребностей, которые были представлены с ярлыком «жизненно важные», нашли свою объективную социальную основу в прекариате, важность которого постоянно растет. Наконец, продолжительная практика многих, предпочитающих придерживаться одного из типов конфронтации между двумя или более структурами, отношениями и ценностями, которые кажутся непримиримыми или несовместимыми, является следствием интеллектуальной

ловушки в рамках «конца истории», типа сценария, который как должное воспринимает распространение и быстрый рост прошлых форм организованного капитализма. Удовлетворение жизненно важных потребностей и определение жизненно важных интересов, понимаемое как сознательно и повторно отражаемый набор целей и требований, включает страсти и интересы, художественную и социальную формы критики, а также материальные и нематериальные вопросы, вызывающие обеспокоенность. Они разрабатываются при постоянных встречах членов различных групп, которые выходят за пределы традиционных расколов, формируют пересекающиеся слои общества и в конце концов приобретают черты истинного контрдвижения, направленного против дальнейшей либерализации и упадка демократии.

Удовлетворение жизненно важных потребностей менее ярко выражено в Южной Европе, чем на Севере, поэтому усиление контрдвижения лучше просматривается в Средиземноморской зоне. Оно менее заметно в других частях Европы (и за ее пределами), где состав всего набора жизненно важных потребностей отличается по своему характеру, где субъективное восприятие и объективная реальность нестабильности различаются, и где недовольство в первую очередь демонстрируется в форме популизма правого толка. Одна из главнейших задач, которые предстоит решить, – это аналитическое отделение зерен от плевел и объяснение того, с чем мы имеем дело, – будь то «Это же экономика, тупица!» (фраза из успешной избирательной кампании Билла Клинтона) или, скорее, объяснение социальными, культурными и политическими причинами, определяющими это расхождение или распад на прогрессивную и реакционную группы. Тогда в целом не может быть сомнения, что обе структуры и мотивы «старого» и «нового» общественных движений к настоящему времени стали однородными. Тем не менее очевидно, что дело обстоит не так в смысле раздела и линий раздела, которые отделяют друг от друга группы движений в плане занимаемых позиций в левом или правом крыле политической шкалы.

7. Литература

- Бек, У. 1992. *Общество риска: к новой современности*. Лондон: Sage.
- Бек, У. 2000. *Смелый новый мир труда*. Кембридж: Polity Press.
- Болтанский, Л. и Чиапелло, Е., 2005. *Новый дух капитализма*. Лондон: Verso.
- Кастель, Р. и К. Дерре (Hrsg.) 2009. *Prekarität, Abstieg, Ausgrenzung – Die soziale Frage am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Франкфурт-на-Майне: Campus.
- Диани, М. 2018. Профсоюзы как общественные движения или профсоюзы в общественных движениях? В: Гроте, Ю.Р. и С. Вагеманн (ред.) *Общественные движения и организованный рабочий класс. Страсти и интересы*. Лондон: Routledge: 43-65.
- Диани, М., 2000. От Зиммеля до Роккана и дальше: элементы теории сетей в (новых) общественных движениях. *Европейский журнал социальной теории*, 3, с. 387-406.
- Дерре, К., 2014. Нестабильность и социальная дезинтеграция: концепция взаимоотношений. В: *Journal für Entwicklungspolitik*, № 4; с. 69–89.
- Гидденс, А., 1990. *Последствия современности*. Кембридж: Polity Press.
- Горц, А., 1985. *Прощание с рабочим классом: эссе о постиндустриальном социализме*. Лондон: Pluto Press.
- Хиршман, А. О., 1977. *Страсти и интересы. Политические споры о капитализме до его триумфа*. Принстон: Издательство Принстонского университета.
- Мелуччи, А., 1998. *Современные кочевники*. Лондон: Hutchinson.
- Оффе, К., 1985а. Новые общественные движения: вызов границам институциональной политики. *Социальные исследования*, 52(4), с. 817-69.

Оффе, К., 1985b. *Дезорганизованный капитализм: современные трансформации в работе и политике*. Кембридж: Издательство Массачусетского технологического института.

Олсон, М., 1971 [1965]. *Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп (Переработанное и исправленное изд.)*. Кембридж. Массачусетс: Издательство Гарвардского университета.

Шмиттер, Ф., 2006 [1981]. Пролегомены к теории о политике групповых интересов. В: Бекерт, Дж., Эббингхаус, Б., Хассель, А. и Маноу, П., ред. *Transformationen des Kapitalismus*. Франкфурт/ Нью-Йорк: Campus: 297-313.

Поланий, К., 1957 [1944]. *Великая трансформация*. Бикон-Хилл: Beacon Press.

Роккан, С., 1970. *Граждане, выборы, партии*. Осло: Университетское издательство.

Зиммель, Г., 1955. *Конфликт и паутина групповых связей*. Нью-Йорк: Free Press.

Стэндинг, Г., 2011. *Прекариат: новый опасный класс*. Лондон и Нью-Йорк: Bloomsbury Academic.

Таттерсалл, А. 2018. Интересы и типы солидарности в альянсах профсоюзов и общества. В: Гроте, Ю.Р. и С. Вагеманн (ред.) *Общественные движения и организованный рабочий класс. Страсти и интересы*. Лондон: Routledge: 66-81.

Турень, А., 1986. Юнионизм как общественное движение. В: С.М. Липсет, ред. 1986. *Профсоюзы в процессе перемен: начало второго столетия*. Сан-Франциско: ICS Press. с. 151-73.